

конкретними людьми [3, с.66].

Справа не стільки в тому, що аморальність брехні є в першу чергу питанням «характеру», хоча, безумовно, питання про характер і чесності людини в цьому випадку виникає, і не тільки в самих взаєминах, як це відбувається [3, с.67].

Отже, брехня шкідлива сама по собі не тому, що вона завдає шкоди і в кожному окремому випадку, а тому що повідомлення правди є необхідною умовою для осмисленості вербального спілкування в цілому.

Брехня, по суті своїй, є формою соціальної активності. Вона не тільки припускає наявність інших людей (що очевидно), але є частиною взаємодій, що зв'язує людей один з одним.

Таким чином, для сторонніх людей неправда представляє лише другорядний інтерес. Офіційна брехня політиків і професійна брехня лікарів та інших осіб, наділених владою, також являє собою особливий випадок.

Неправда в людському спілкуванні виникає тоді, коли один із співрозмовників висловлює твердження, які не відповідають фактам. При цьому він усвідомлює або не усвідомлює хибність того, що говорить. Однак у нього немає свідомої мети ввести партнера в оману.

Саме тому, обман – це, перш за все, питання підриву довіри у відносинах, а тому ступінь тяжкості цього проступку визначається природою взаємин і ступенем взаєморозуміння, що є основою довіри.

СПИСОК ВИКОРИСТАНИХ ДЖЕРЕЛ

1. Ефимов А.Е. Истина против лжеистин / А.Е. Ефимов. — СПб: МАИВ, 2004. — 68 с.
2. Касавин И.Т. Истина / И.Т. Касавин // Новая философская энциклопедия: В 4 томах. Т. 2 / [Под ред. Степина В.С., Гусейнова А.А., Семигина Г.Ю., Огурцова А.П.] / — М.: Мысль, 2010. — 744 с.
3. Льюис М. Исследуем ложь. Теории, практика обнаружения / М.Льюис, К. Саарни. — М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2004. — 288 с.
4. Павлюк І.З. Діагностика і прогностика брехні / І.З. Павлюк. — Львів: СПОЛОМ, 2003. — 80 с.
5. Фрай О. Детекция лжи и обмана. 2-е международное издание / О.Фрай. — СПб.: ПРАЙМ-ЕВРОЗНАК, 2005. — 320 с.
6. Экман П. Психология лжи / П.Экман. — СПб.: Питер, 2003. — 270 с.

Пастушенко О. В. – старший преподаватель кафедры философии, политологии, психологии и права Одесской государственной академии строительства и архитектуры.

УДК: 321.07+335.02+126+34

ИЛЛЮЗОРНОСТЬ УТОПИЧЕСКОГО ПРАВОСОЗНАНИЯ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

Утопическое или ложное правосознание нельзя оценить однозначно. Так, утопическое правосознание в обществе может выполнять важные функции, среди которых особо выделяется социально-познавательная. Как и другие формы общественного сознания, утопическое правосознание стремится выявить и рассмотреть реальные проблемы общественной жизни.

Ключевые слова: утопия, утопическое сознание, социальный миф, социальный стереотип, правовой идеализм, правовой скептицизм.

ІЛЮЗОРНІСТЬ УТОПІЧНОЇ ПРАВОСВІДОМОСТІ В УМОВАХ СУЧАСНОГО СУСПІЛЬСТВА

Утопічну чи хибну правосвідомість не можна оцінити однозначно. Так, утопічна правосвідомість в суспільстві може виконувати важливі функції, серед яких особливо виділяється соціально-пізнавальна. Як й інші форми суспільної свідомості утопічна правосвідомість прагне виявити та розглянути реальні проблеми суспільного життя.

Ключові слова: утопія, утопічна свідомість, соціальний міф, соціальний стереотип, правовий ідеалізм, правовий скептицизм.

ILLUSORITY OF UTOPIAN SENSES OF JUSTICE IN THE CONDITIONS OF MODERN SOCIETY

Utopian or false sense of justice can't be uniquely estimated. Thus, utopian sense of justice in society can perform important functions, among which stands out the socio-cognitive. Like other forms of public consciousness, utopian sense of justice seek to identify and address the real issues of public life.

Keywords: *utopia, utopian consciousness, social myth, social stereotype, legal idealism, skepticism.*

Смена экономических и политических ориентиров привела к трансформации ценностей. Этот процесс постоянно усиливается, проявляясь в различных формах, чаще всего в форме утопического сознания, когда объективная картина мира отражается искаженно и предвзято [1]. Утопическое сознание можно считать прямым следствием реальных социальных условий. Утопия как принципиальная попытка выйти за рамки реальности дает возможность взглянуть со стороны и познать этот мир по-новому. Утопия может стать перспективной социальной теорией, поскольку она стремится вообразить себе иной мир, который сможет стать ответом на реальные вызовы. Утопическое сознание стремится восстанавливать целостное бытие единства человека и окружающего мира. В своей социально-познавательной деятельности утопическое сознание направлено на теоретическое обоснование мира. В истории развития общества именно утопическое сознание нередко способствовало формированию и развитию научного подхода и критического отношения к традиционным социальным структурам. Утопическое сознание чаще всего является попыткой выйти за рамки реальности [2, с. 166]. Решить проблемы современного общества и освободиться от его недостатков утопическое сознание пытается через моделирование вымышленного фантастического общества. Вера в возможность реализации такой идеализации приводит к специфическому утопическому пониманию идей социального прогресса. Утопическое сознание воспринимает будущее общество как результат и цель общеисторического процесса. Социальный прогресс воспринимается как предпосылка и гарантия возможности реализации утопии, а также как доказательство того, что целенаправленная человеческая деятельность, основанная на рациональном знании способна привести к созданию более совершенного социального бытия. Утопическое сознание пытается решить проблему будущего как морального требования к человечеству. Представление вымышленного, совершенного общества, утопическое сознание помещает в будущем. Это предвосхищение будущего несет в себе пафос морального оценивания реального социального бытия. Идеал в утопическом сознании – это всегда потенциальная цель и определенная стратегия действия. Утопическое сознание не просто рисует воображаемый прекрасный мир, оно стремится осуществить эту мечту. В своем наивысшем проявлении носители утопического сознания пропагандируют возможность такого идеала, который отражал бы общественную правду. Утопическое сознание проявляется чаще всего в таких формах, как: социальные мифы и социальные стереотипы.

Потребность в мифах проявляется на протяжении всей истории общественного развития. Поэтому можно утверждать, что в эпоху глобализации существуют не только социальные стереотипы, иллюзии и фантазии, но и современные мифы. Признание высокой идеологической эффективности мифов порождает усовершенствование технологий мифотворчества с целью манипулирования сознанием. Постепенно создание мифов превратилось в хорошо управляемый процесс. Проблема создания и существования социальных мифов в нашем обществе является особенно актуальной. Созданные с целью идеологического влияния мифы в современном философском словаре фиксируются в понятии «социальная мифология», которая определяется как «феномен идеологической практики и представляет собой сознательную целенаправленную деятельность по манипулированию общественным сознанием с помощью специально сформированных социальных мифов. Социальная мифология содержит в себе два необходимых компонента: социальное мифотворчество и адаптацию идеологических мифологем в массовом сознании» [3, с. 637].

Основы исследования возможностей идеологического воздействия на иррациональные структуры человеческого сознания были заложены А. Шопенгауэром. Его идеи нашли продолжение в работах многих западных мыслителей. Одним из них является Ф. Ницше. Начиная с критики ошибочного сознания, он приходит к выводу о том, что борьба с суевериями – задача, обреченная на неудачу. Философ говорит о том, что освободить мышление людей от иллюзий – значит лишить их уверенности в себе и открыть доступ разрушительной энергии. Недаром обладание иллюзиями для человека является «стратегией выживания».

Своеобразное понимание социальной мифологии наблюдается в работах итальянского

ученого В. Парето. С его точки зрения сущность человека проявляется не в разумности, а в способности использовать разум в корыстных целях. Исходя из этой позиции мифология является способом идеологизации и пропаганды, эффективность которой объясняется такими скрытыми прессуппозициями массового сознания, как потребность индивида в социальной самореализации, собственности и удовлетворении сексуального инстинкта. Французский социолог Ж. Сорель рассматривал социальную мифологию как базисную структуру идеологизированного сознания, основанного не на знании, а на вере. По мнению Е. Кассирера современная культура не разрушает мифотворчество, а ставит его под свой контроль; «Раньше миф считался продуктом какой-то бессознательной социальной деятельности. Однако теперь мифы создаются людьми, которые действуют в высшей степени сознательно и запланировано. Они хорошо знают, что им нужно и поэтому продумывают каждый свой шаг. С появлением этих людей социальные мифы перестали развиваться самостоятельно, свободно и стихийно. Новые социальные мифы не являются плодами богатого воображения. Теперь их можно назвать произведениями, изготовленными довольно умелыми мастерами» [4, с. 154].

В современных научных исследованиях социальный миф представлен как идеологическая конструкция, способная воздействовать на сознание человека, аккумулировать коллективную волю, обращаясь к памяти, эмоциям и чувственному восприятию [5, 6]. В отличие от утопии социальный миф одновременно опирается на народную мифологию, выступая ее откорректированным продуктом, направленным на достижение конкретной цели. В теориях массовой коммуникации миф соотносится с механизмом манипулирования сознанием, насаждением определенных стереотипов мышления, поведения, потребления и моды. Теория глобального манипулирования предполагает систематическое внедрение в сознание различных социальных мифов, составляющих фундамент иллюзорной картины мира. Иллюзорная реальность в свою очередь формирует подсознательные установки, переходящие в реальную мотивацию человеческой активности. Понятие социального мифа может рассматриваться в узком и широком смысле. Рассматриваемое в широком смысле, оно охватывает все возможные типы мифов об обществе, о его структуре. Социальный миф, рассматриваемый в узком смысле, дает ответы на вопросы об обществе, его генезисе, структуре, происхождении культуры, языка. Иллюзорное сознание молодежи не может отказаться от социальных мифов, объясняющих и прогнозирующих те или иные социальные процессы. Существует точка зрения, согласно которой миф вместе с основывающимся на нем мифологическим сознанием образует базис всей жизни общества. Он не в полном объеме осознается, но, тем не менее, является наиболее фундаментальной основой поступков. Так А. Вайнер, исходя из концепции архетипа как врожденного архаичного опыта, понимает мифы как исключительно социальные продукты, коренящиеся в архетипах расы, т.к. мифы апеллируют к дологическим, довербальным, родовым уровням человеческого сознания. Политические мифы являются частью социальной мифологии в узком смысле, поскольку в них содержатся предположения о происхождении социальных групп, их роли в жизни общества. В то же время политические мифы содержат в себе и специфические, присущие только им, беспредпосылочные представления о нравственном облике и намерениях различных политических групп. Способность социального мифа осуществлять достаточно действенный контроль над общественным мнением Л. Беннет объясняет спецификой мифологического мышления, а также тем, что духовно-идеологический контроль имеет мощное подкрепление со стороны экономической системы данного общества. Мыслитель рассуждает о том, что первичный процесс мышления характеризуется фантазией, вкраплениями невербальных образов, высокой эмоциональной напряженностью. Социальные теоретики пытаются выявить рычаги воздействия на массовое сознание, массовое поведение людей. Один из таких рычагов они видят в социальных мифах. Пропагандистский миф не производит ничего существенно нового по сравнению с социально-политическими мифами. Но вместе с тем пропагандистский миф характеризуется способом его обработки и преподнесения массовой аудитории, при котором учитывается особенность сознания данной аудитории с целью манипулирования этим сознанием в процессе навязывания ему того или иного мифа. Иначе говоря, пропагандистский миф отличается не содержанием, а формой его «манипулятивного внедрения» в массы [4].

Все манипулятивные приемы и методы, используемые СМИ в отношении к любому идеологическому содержанию в полной мере применяются по отношению к социальной мифологии с целью наиболее всестороннего и полного навязывания ее сознанию молодежи. Социальные мифы тесно связаны со стереотипами. Наличие стереотипов характерно для любого уровня сознания. В пределах индивидуального и массового сознания стереотипы освобождают его субъектов от необходимости постоянного и всестороннего анализа каждой конкретной ситуации и открывают тем

самым простор для реализации его творческого потенциала. Именно особенность человеческой психики закреплять информацию в устойчивых образах положена в основу главного механизма воздействия на сознание – механизма манипуляции. В манипуляции «особенно широко используются социально-психологические стереотипы, которые в отличие от общепсихологических не только несут информацию, знание о предметах и явлениях действительности, сколько выражают отношение к ним. Именно социальные мифы и стереотипы неоднозначно воздействуют на жизнь людей, нередко подавляют все новое, порождают стойкие изъяны в сознании и поведении людей. Ложное сознание способствует также распространению идеологии человека, от которого «ничего не зависит». Утопическое сознание в значительной степени связано с функционированием идей, которые в своем большинстве отражают не реальную, а желаемую картину того или иного общественного процесса или явления. Утопическое сознание в свою очередь приводит к развитию таких деформаций правосознания как правовой идеализм и правовой скептицизм. Правовой идеализм выражается в абсолютизации роли права и правовых институтов в регулировании общественных отношений. Вместе с тем идея о возможностях позитивных общественных преобразований на основе создания совершенной правовой системы является весьма древней, прекрасно представленной в различных философских теориях. И если правовой негативизм означает отрицание или недостаточную оценку права, то правовой идеализм зачастую переоценивает возможности института права. С одной стороны, утопическое правосознание выполняет важную целеполагающую функцию, нацеливая сознание на высокие, хотя и вымышленные ориентиры, более совершенного «идеального» будущего, но в то же время массовое распространение правового идеализма в социуме может приводить к серьезным негативным последствиям. Ведь право в реальности отнюдь не всесильно, поэтому опасно ожидать от этого института невозможного. Невыполнимые задачи могут только скомпрометировать право, поэтому его не следует возводить в абсолют. В современных условиях правовой идеализм, вместо стимулирования процесса мечтаний, фантазий и грез о совершенном будущем может, напротив, порождать у людей кризис веры в законодательные и парламенско-конституционные пути решения актуальных проблем, в новые прогрессивные институты. Распространение правового идеализма в условиях мировой глобализации также может способствовать дальнейшему распространению исключительного отношения к праву как к орудию или инструменту влияния. Правовой идеализм предполагает чрезмерно высокую, оторванную от жизненных реалий оценку права как «универсального средства» решения социальных проблем, абсолютизацию социальной роли и места права в жизни общества, предъявление завышенных требований к механизму правового регулирования. В научной литературе отмечается, что подверженный правовому идеализму человек возлагает на право, как на регулятор общественных отношений, возвышенные, несбыточные надежды, верит в его всесильность. Человек может просто наивно требовать от права большего, чем оно объективно может ему дать [7, с. 509-516]. Человек, обладая необходимыми правовыми знаниями, повсеместно будет пытаться претворить их в жизнь. Сформированная у него правовая позиция предопределяет его стремление к юридизации любого своего поступка и, нередко, требование того же от других. Нерешенность каких-либо практических вопросов личного либо социального плана такой человек стремится объяснить исключительно отсутствием должного законодательного регулирования конкретной проблемы. В результате личность сознательно либо подсознательно стремится к тому, чтобы все общественные отношения были четко регламентированы правом. Хорошо известны случаи, когда человек сам разрабатывает многочисленные проекты законов и буквально штурмует законодательные органы власти. Утопическое сознание может превратиться в некий синтез убеждений, ориентаций и установок, слабо или совсем не коррелирующих с реальной жизнью. Утопическое сознание в условиях трансформирующегося общества обычно представлено как идеализация прошлого и будущего. Иногда утопическое сознание приобретает облик фантастического или иллюзорного, которое олицетворяет процесс рождения и краха фантазий, мифов, самообмана, поскольку человеку свойственно мечтать, строить планы, надеяться.

Правовой скептицизм особенно распространился в последнее время, поскольку наше общество начинает постепенно осознавать, что многие законы, указы и постановления на практике оказались малоэффективными и не привели к достижению желаемых целей, а некоторые дали отрицательный результат. К сожалению, в современном обществе многими начинает признаваться функциональность коррупции в процессе ускорения принятия решений, оживления экономической деятельности и предпринимательства. Коррупция признается неистребимой, имеющей некие позитивные экономические последствия: для отдельного субъекта (клиента) становится возможным достижение определенных целей при использовании коррупции как инструмента в конкурентной

борьбе. В коррумпированном обществе резко падает мораль, поскольку растет убежденность в безнаказанности, возможности существовать вне рамок официального законодательства. Таким образом, происходит девальвация цивилизованных социальных регуляторов поведения людей. Формируется скептическое правосознание, включающее коррупцию в категорию обычного, привычного, неизменного, а, следовательно, требующего не сопротивления, а приспособления.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Кривошеев В. В. Криминализация общества: сущность процесса / В. В. Кривошеев. — Калининград, 2000. — 111 с.
2. Шугуров М. В. Утопия, или странствие в смысловых далях сознания / М. В. Шугуров // Философский век. Альманах. — Спб. : Санкт-Петербургский центр истории идей. — 2000. — Вып. 13: Российская утопия эпохи Просвещения и традиции мирового утопизма. — С. 158—169.
3. Новейший философский словарь: 2-е изд., перераб. и доп. — М. : Интерпрессервис; Книжный дом, 2001. — 759 с.
4. Уледов А. К. Общественная психология и идеология / А. К. Уледов. — М. : Политиздат, 1985. — 268 с.
5. Гордиенко А. Т. Основные моменты массового сознания / А. Т. Гордиенко. — Киев: Наукова думка, 1993. — 185 с.
6. Парыгин Б. Д. Основы социально-психологической теории / Б. Д. Парыгин. — М. : Мысль, 1983. — 288 с.
7. Матузов Н. И. Правовой нигилизм и правовой идеализм / Н. И. Матузов // Теория государства и права. — Саратов, 1995. — С. 509—516.

Почтарь Олег Олегович – аспирант кафедры философии и социологии Государственного учреждения «Південноукраїнський національний педагогічний університет імені К. Д. Ушинського»

УДК :100+301+302.2

ТЕОРИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ЭСТАФЕТ М. А. РОЗОВА

Социальные эстафеты – это исходный, базовый механизм социальной памяти, который дает о себе знать буквально на каждом шагу нашей жизни.

Ключевые слова: социальная эстафета, социум, куматоид, социальная память.

ТЕОРІЯ СОЦІАЛЬНИХ ЕСТАФЕТ М. А. РОЗОВА

Соціальні естафети – це основний, базовий механізм соціальної пам'яті, який дає про себе знати буквально на при кожному кроці нашого життя.

Ключові слова: соціальна естафета, соціум, куматоїд, соціальна пам'ять.

M.A. ROZOV'S THEORY OF SOCIAL RELAYS

Social relay – is the source, the basic mechanism of social memory, which makes it felt at every step of our life.

Key words: social relay, society, kumatoid, social memory.

Коммуникативная природа нашего взаимосуществования неизбежна. Вся наша жизнь – это непрерывное общение, коммуницирование, трансляция опыта, традиций, навыков, знаний, умений от человека к человеку, от поколения к поколению, объединения нас в непрерывную цепочку взаимодействующих между собой индивидов, перенимающих, воспринимающих и генерирующих в будущее информацию которую российский ученый М. А. Розов характеризовал «социальной памятью». Данная статья и будет посвящена рассмотрению того, благодаря чему мы понимаем то, кем мы есть, кем мы были, кем можем стать, что мы сделали, и что еще предстоит сделать. Ведь все, что мы, люди, знаем не возникло просто так, из ничего. Процесс формирования, испытания, трансляции, накопления, усвоения и преобразования опыта, формирующего социальную память,